

Директива Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года из сборника Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950* NSC 20/1 (pages 173-203).

Задачи в отношении России

I. Введение

Очевидно, что Россия, как собственно сила, так и как центр мирового коммунистического движения, в настоящий момент стала представлять очень серьезную проблему для внешней политики США, и в нашей стране существует глубокая неудовлетворенность и обеспокоенность относительно целей и методов советских лидеров. Таким образом политика нашего правительства в значительной мере обусловлена желанием скорректировать советскую политику и изменить международную ситуацию, к которой она уже привела.

Однако пока нет четкой формулировки основных задач США по отношению к России. Ввиду вовлеченности нашего правительства в отношения с Россией особенно важно, чтобы такие задачи были бы сформулированы и приняты в качестве рабочих программ всеми подразделениями нашего правительства, имеющими дело с проблемами России и коммунизма. Иначе возможны серьезные расхождения в направлениях национальных усилий для разрешения проблемы, имеющей огромное международное значение.

II. Общие соображения.

Существуют два подхода к увязке национальных задач с факторами войны и мира.

Первый подход состоит в том, что национальные задачи постоянны и не должны изменяться в зависимости от того, находится ли страна в ситуации войны или мира; к их достижению следует постоянно стремиться, смотря по обстоятельствам, как невоенными, так и военными средствами. Этот подход был лучше всего сформулирован Клаузевицем: «Война есть продолжение политики другими средствами».

Противоположный подход состоит в том, чтобы рассматривать национальные задачи во время мира и национальные задачи во время войны как существенно различные. Согласно этому подходу, война формирует собственные политические задачи, которые как правило имеют приоритет перед обычными задачами мирного времени. Такой подход в целом преобладает в нашей стране. В основном именно такой подход преобладал и в последней войне, когда выигрыш собственно войны, как военной операции, стал важнейшей задачей политики США, а все прочие соображения были ей подчинены.

Ясно, что в случае американских задач в отношении России ни один из этих подходов не может полностью возобладать.

Во-первых, для разворачивающейся в настоящее время политической войны наше правительство вынуждено уже сейчас, во время мира, ставить более определенные и активные задачи по отношению к России, чем те, которые ему приходилось формулировать по отношению к Германии или Японии в самом разгаре военных действий с этими странами.

Во-вторых, опыт прошедшей войны научил нас тому, что желательно увязывать наши военные усилия с ясным и реалистичным представлением о тех задачах, которые мы собираемся решать в долговременной перспективе. Это особенно важно в случае войны с Советским Союзом. Мы едва ли можем ожидать завершить такую войну с той же военной и политической определенностью, как последнюю войну с Германией и Японией.

Поэтому если всем не станет ясно, что наши задачи не состоят в военной победе ради победы, то общественности США будет затруднительно осознать, что же действительно является благоприятным разрешением конфликта. Общественное мнение могло бы ожидать гораздо большего на путях военного решения, чем это необходимо или даже желательно с точки зрения подлинного решения наших задач. Если бы народ воспринял

идею, что наша задача — безусловная капитуляция, тотальная оккупация и установление военного управления по образцу Германии и Японии, то он естественно ощутил бы любые меньшие по сравнению с этим достижения, как вообще не являющиеся настоящей победой, и мог бы не оценить по достоинству действительно искреннее и конструктивное урегулирование.

Наконец мы должны признать, что советские задачи сами по себе практически неизменны. Например, советские территориальные цели в Восточной Европе — как стало очевидно во время войны — очень схожи с теми программами, которые Советское правительство пыталось реализовать невоенными средствами в 1939 и 1940, и фактически также с определенными стратегическими и политическими концепциями, на которые опиралась политика царизма перед первой мировой войной. При встрече со столь неизменной политикой, упорно проводимой посредством как войны, так и мира, нам необходимо противопоставить ей не менее постоянную и устойчивую политику. Вообще говоря, сама природа отношений Советского Союза с остальным миром такова, что эти отношения представляет собой непрерывный антагонизм и конфликт, иногда происходящий в рамках формального мира, а иногда в юридических рамках войны. С другой стороны ясно, что демократия не может, подобно тоталитарным государствам, полностью отождествлять задачи мирного и военного времени. Ее неприятие войны, как метода внешней политики, настолько сильно, что она неизбежно будет склоняться к модификации своих задач мирного времени в надежде, что они могут быть решены без обращения к оружию. Когда же эти надежды и эти ограничения исчезают в результате войны, разразившейся из-за провокации или по другим причинам, возмущенное демократическое общественное мнение обычно либо требует формулировки других задач, часто карательного характера, которые не были бы поддержаны во время мира, либо немедленной реализации таких целей, терпеливая подготовка к достижению которых в других условиях могла бы вестись путем постепенного давления на протяжении десятилетий. Таким образом было бы нереалистичным предполагать, что правительство США могло бы действовать во время войны на основе точно того же набора задач, или хотя бы руководствоваться тем же самым графиком их решения, что и во время мира.

В то же время следует понимать, что чем меньше расхождение между задачами мирного и военного времени, тем больше вероятность того, что успешные военные усилия будут успешны и в политическом отношении. Если задачи действительно вытекают из основных национальных интересов, то они стоят того, чтобы осознанно сформулировать и решать их как во время войны, так и во время мира. Задачи, возникающие вследствие эмоций военного времени, не годятся для выражения сбалансированной концепции долговременных национальных интересов. Поэтому правительству следует уже теперь, до возникновения любых военных действий, предпринять все усилия по планированию и определению по отношению к России наших текущих задач мирного времени и наших гипотетических задач военного времени, и по возможности сократить разрыв между ними.

III. Основные задачи.

Нашими основными задачами в отношении России на самом деле являются только две следующие :

а. Уменьшить мощь и влияние Москвы до таких пределов, при которых она больше не будет представлять угрозу миру и стабильности международного сообщества;

и

б. Внести фундаментальные изменения в теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России.

С решением этих двух задач наши проблемы в отношениях с Россией сократились бы до уровня, который можно было бы считать нормальным.

Перед тем, как обсуждать способы решения этих задач соответственно в мирных и военных условиях, рассмотрим их несколько подробнее.

1. Территориальное сокращение российской мощи и влияния.

Существуют две сферы, в которых мощь и влияние Москвы простирается за пределы границ Советского Союза в формах, наносящих ущерб миру и стабильности международного сообщества.

Первая из этих сфер — то, что можно назвать зоной сателлитов : а именно зона, в которой решающее политическое влияние принадлежит Кремлю. Следует отметить, что в этой зоне, которая территориально целиком прилегает к Советскому Союзу, решающим фактором в установлении и поддержании советской гегемонии явилось присутствие или близость советской вооруженной мощи.

Вторая из этих сфер охватывает отношения между центром власти, правящим Советским Союзом, с одной стороны и, с другой стороны, группами или партиями за рубежом, за пределами зоны сателлитов, которые обращаются к России, как к политическому вдохновителю, и, осознанно или нет, проявляют свою лояльность по отношению к ней. Для эффективного решения в обеих сферах первой из указанных выше задач необходимо сократить до разумных пределов несоразмерные проявления российской мощи. Странам, находящимся в зоне сателлитов, должна быть предоставлена возможность коренным образом освободиться от русского господства и из-под российского идеологического влияния. Также должен быть основательно разоблачен миф, который заставляет миллионы людей в странах, удаленных от Советских границ, смотреть на Москву, как на выдающийся источник надежды человечества на улучшение, а следы воздействия этого мифа должны быть полностью ликвидированы.

Следует заметить, что в обоих случаях эти задачи могут быть в принципе решены без неизбежного порождения последствий, непосредственно и решительно затрагивающих престиж Советского государства.

Во второй из двух сфер полное освобождение из-под российской власти возможно без затрагивания жизненно важных интересов Российского государства, так как в этой сфере московское влияние распространяется по тщательно скрытым каналам, существование которых отрицает и сама Москва. Таким образом устранение структуры власти, ранее известной как Третий Интернационал и пережившей собственное имя, не вызовет никакого формального унижения правительства в Москве и не потребует никаких формальных уступок со стороны Советского государства.

То же самое в основном, однако не полностью, верно и для первой из двух сфер. Москва также отрицает факт формального советского господства в зоне сателлитов и пытается замаскировать его механизм. Как в настоящее время демонстрирует инцидент с Тито, нарушение московского контроля не обязательно рассматривается как событие, затрагивающее сами государства. В данном случае оно трактуется обеими сторонами, как межпартийный конфликт; особое внимание уделяется повсеместному подчеркиванию того, что никакие вопросы государственного престижа здесь не затронуты. То же самое может предположительно произойти в любом месте зоны сателлитов без формального ущемления достоинства Советского государства.

Мы однако, сталкиваемся и с более сложной проблемой : расширение границ Советского Союза после 1939 года. Это расширение не может во всех случаях рассматриваться как серьезный ущерб международному миру и стабильности, а в ряде случаев оно даже может рассматриваться, с точки зрения наших задач, как полностью приемлемое для целей поддержания мира. В других же случаях, особенно касающихся прибалтийских стран, вопрос более сложен. Мы действительно не можем проявить безразличие к дальнейшей судьбе прибалтийских народов.

Это отражено и в нашей нынешней политике признания по отношению к этим странам. Мы едва ли можем согласиться, что угроза международному миру и стабильности действительно устранена, когда Европа поставлена перед фактом возможности сокрушения Москвой этих трех малых стран, не виновных ни в какой реальной провокации и доказавших способность вести собственные дела прогрессивным образом, не угрожая интересам соседей. Таким образом было бы логично рассматривать, как часть

задач США, восстановление для этих государств по крайней мере некоего подобия недавнего состояния свободы и независимости.

Однако ясно, что их полная независимость повлекла бы фактическое сокращение территории, контролируемой Советским правительством. Таким образом это напрямую затронуло бы достоинство и жизненные интересы Советского государства как такового. Не стоит предполагать, что это может быть осуществлено без войны. Поэтому если мы считаем, что основная задача, сформулированная выше, важна как в условиях мира, так и войны, то мы должны логично заключить, что в условиях мира наша задача должна состоять только в том, чтобы побудить Москву разрешить репатриацию в прибалтийские страны всех насильственно высланных и установление в этих странах автономных режимов, в основном удовлетворяющих культурным потребностям и национальным стремлениям их народов. В случае войны мы могли бы при необходимости стремиться пойти и дальше. Но этого дальнейшее зависело бы от характера российского режима, который господствовал бы на этой территории после следующей войны, и нам нет необходимости решать этот вопрос заранее.

Следовательно, утверждая, что мы должны уменьшить мощь и влияние Кремля до пределов, при которых он больше не будет представлять угрозы миру и стабильности международного сообщества, мы имеем право отметить, что эта задача может логично решаться не только в случае войны, но также и во время мира мирными средствами, и что в последнем случае нет необходимости затрагивать престиж Советского правительства, что автоматически сделало бы войну неизбежной.

2. Изменение теории и практики международных отношений, которым следует Москва. Наши сложности с нынешним Советским правительством связаны главным образом с тем, что его лидеры исповедуют в теории и практике международных отношений концепции, не только противоположные нашим собственным, но и очевидно несовместимые с мирным и взаимовыгодным развитием отношений между этим правительством и другими членами международного сообщества, как индивидуальными, так и коллективными.

Главными среди этих концепций являются следующие:

- (а) Что мирное сосуществование и взаимное сотрудничество суверенных и независимых государств на основе равенства и взаимного уважения иллюзорно и невозможно;
- (б) Что конфликты являются основой международной жизни, при этом, как в случае Советского Союза и капиталистических стран, ни одна сторона не признает превосходства другой;
- (в) Что режимы, не признающие авторитета и идеологического превосходства Москвы, безнравственны и пагубны для прогресса человечества, и долг всех здравомыслящих людей повсеместно добиваться свержения и ослабления таких режимов любыми тактически подходящими методами;
- (г) Что в дальней перспективе невозможно сближение интересов коммунистического и некоммунистического мира путем взаимного сотрудничества, эти интересы в основе своей антагонистичны и противоречат друг другу;

и

- (д) Что произвольные индивидуальные контакты между людьми из мира под коммунистическим господством с людьми за пределами этого мира являются злом и не способствуют общему прогрессу человечества.

Очевидно, что недостаточно прекращения доминирования этих концепций в советской или российской теории и практике международных отношений. Необходима их замена на практически противоположные.

А именно:

- (а) Что суверенные и равноправные страны могут мирно сосуществовать бок о бок и сотрудничать друг с другом без претензий или попыток установить одностороннее господство;
- (б) Что конфликт не является необходимой основой международной жизни, что народы

могут иметь общие интересы, не имея полного согласия в идеологии и не подчиняясь единому авторитету;

(в) Что народы других стран имеют законное право преследовать национальные цели, расходящиеся с коммунистической идеологией, и что долг всех здравомыслящих людей исповедывать терпимость к чужим идеям, скрупулезно соблюдать невмешательство во внутренние дела других на основе взаимности, и использовать только порядочные и честные методы в ведении международных дел;

(г) Что международное сотрудничество может и должно сближать интересы обеих сторон даже и при различии их идеологических платформ;

и

(д) Что индивидуальные контакты между людьми по разные стороны международных границ желательны и должны поощряться как процесс, способствующий общему прогрессу человечества.

Тогда немедленно встает вопрос, является ли принятие Москвой таких концепций задачей, которую мы можем всерьез надеяться решить, не прибегая к войне и к свержению Советского правительства. Мы должны смотреть в лицо тому факту, что Советское правительство в его нынешнем виде является и будет оставаться постоянной угрозой нашему народу и миру.

Совешенно ясно, что нынешние лидеры Советского Союза никогда не смогут сами воспринять концепции, подобные изложенным выше, как разумные и желательные. Точно так же ясно, что переход к доминированию таких концепций в русском коммунистическом движении в нынешних обстоятельствах означал бы интеллектуальную революцию внутри этого движения, равносильную преобразованию его политической индивидуальности и отказу от основных претензий на существование в качестве особой жизненной силы среди множества мировых идеологических течений.

Такого рода концепции могли бы возобладать в российском коммунистическом движении только если бы, в результате длительного процесса перемен и эрозии, это движение изжило те импульсы, которые изначально породили его и дали ему жизненную силу, и приобрело совершенно иное, отличное от сегодняшнего, значение в мире.

Тогда можно было бы заключить (а московские теологи немедленно именно так бы это и проинтерпретировали), что заявление о нашем стремлении к принятию Москвой этих концепций равносильно объявлению нашей задачей свержение Советской власти. С этой точки зрения можно было бы утверждать, что такая задача неразрешима без войны, и мы тем самым якобы признаем, что нашей задачей по отношению к Советскому Союзу в конечном счете является война и насильственное свержение Советской власти.

Принять такую точку зрения было бы опасной ошибкой.

Во-первых, мы не связаны никакими временными ограничениями в решении наших задач в условиях мира. У нас нет никаких жестких временных периодов войны и мира, которые подталкивали бы нас к необходимости решения наших задач мирного времени к определенной дате, «иначе будет поздно». Задачи национальной политики в мирное время никогда не следует рассматривать в статических терминах. Постольку, поскольку это наши основные, ценностные задачи, они не относятся к тем, которые допускают полное и окончательное решение, подобно конкретным боевым задачам на войне. Задачи политики мирного времени следует рассматривать скорее как направления движения, а не как физически достижимые пункты назначения.

Во-вторых, мы полностью в своем праве и не должны испытывать чувства вины, работая над разрушением концепций, несовместимых с миром и стабильностью во всем мире, и заменой их на концепции терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело вычислять, к какому внутреннему развитию может привести принятие таких концепций в другой стране, мы также не обязаны ощущать какую бы то ни было ответственность за это развитие. Если советские лидеры обнаружат, что растущее преобладание более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их

внутренней власти в России, ответственность за это несут они, а не мы. Это дело их собственной сознательности и сознательности народов Советского Союза. Работа над принятием справедливых и внушающих надежду концепций международной жизни является не только нашим моральным правом, но и нашей моральной обязанностью. Поступая таким образом, мы можем не заботиться о том, куда полетит стружка в вопросах внутреннего развития.

Мы не можем определенно утверждать, что успешное решение нами обсуждаемых задач приведет к распаду Советской власти, так как нам неизвестны соответствующие временные факторы. Вполне возможно, что под давлением времени и обстоятельств определенные исходные концепции коммунистического движения могут постепенно измениться в России примерно так же, как изменились определенные исходные концепции Американской революции в нашей собственной стране.

Мы, однако, имеем право полагать и публично заявлять, что наша задача состоит в том, чтобы всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами донести до российского народа и правительства более просвещенный взгляд на международные отношения, и что поступая таким образом, мы, как правительство, не занимаем никакой позиции по отношению к внутренним делам России.

Ясно, что в случае войны вопросы такого рода стоять не будут. Если бы война между нашей страной и Советским Союзом началась, наше правительство было бы свободно в выборе средств, направленных на решение основных задач, и условий, исполнения которых оно пожелало бы потребовать от российской власти или российских властей при успехе военных операций. Будут ли эти условия подразумевать свержение Советской власти, является исключительно вопросом целесообразности, который обсуждается ниже. Вторая из двух основных задач таким образом также может решаться как во время мира, так и во время войны. Эта задача, как и первая, может соответственно считаться основополагающей, откуда и вытекает формулировка нашей политики в условиях как мира, так и войны.

IV. Решение наших основных задач во время мира.

Обсуждая интерпретацию этих основных задач соответственно во время мира и во время войны, мы сталкиваемся с проблемой терминологии. Если мы будем продолжать говорить о конкретных ориентирах нашей политики в условиях мира или войны, как о "задачах", мы можем столкнуться с семантическими сложностями. Поэтому исключительно ради ясности введем произвольное различие. Мы будем говорить о задачах только в смысле основных задач, выделенных выше, тех, которые являются общими как для войны, так и для мира. При ссылках же на направляющие ориентиры нашей конкретной политики в военное или в мирное время, мы будем говорить не о "задачах", а о "целях".

В чем могли бы состоять цели национальной политики США во время мира?

Они логично вытекают из двух главных задач, обсуждавшихся выше.

1. СОКРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОЙ МОЩИ И ВЛИЯНИЯ

Сначала рассмотрим сокращение чрезмерной российской мощи и влияния. Мы видели, что этот вопрос распадается на проблему зоны сателлитов и проблему коммунистической активности и советской пропаганды в удаленных странах.

В отношении зоны сателлитов цель политики США в мирное время состоит в создании максимально возможной напряженности в структуре отношений, обеспечивающей советское господство, постепенного, при помощи естественных и законных усилий Европы, оттеснения русских с их главенствующей позиции и предоставления

возможности этим странам вернуть себе свободу действий. Эта цель может быть достигнута и достигается многими способами. Наиболее впечатляющим шагом в этом направлении было оригинальное предложение о Программе Реконструкции Европы, сформулированное в гарвардской речи секретаря Маршалла 5 июня 1947 года. Вынуждая русских либо позволить странам-сателлитам вступить в отношения экономического сотрудничества с Западной Европой, что неизбежно усилит связи между Западом и Востоком и ослабит исключительную ориентацию этих стран на Россию, либо заставить их остаться вне этой структуры сотрудничества ценой тяжелых экономических жертв со своей стороны, мы тем самым вносим серьезное напряжение в отношения между Москвой и странами-сателлитами и без сомнения делаем для Москвы более неудобным и затруднительным поддержание ее непрерываемой власти в столицах сателлитов. Фактически все, что срывает покрывала, которыми Москва пытается замаскировать свою власть, и заставляет русских проявить жестокость и подчеркнуть безобразие своего контроля над правительствами стран-сателлитов, служит дискредитации этих правительств в глазах их собственных народов, увеличивает недовольство этих народов и их стремление к свободному объединению с другими нациями.

Недовольство Тито, для которого напряженность, связанная с проблемой плана Маршалла, несомненно сыграла определенную роль, ясно показало, что напряжение между Советами и сателлитами могут привести к реальному ослаблению и прекращению российского господства.

Таким образом наша цель должна состоять в том, чтобы продолжать делать все, что в наших силах, увеличивая это напряжение, и в то же время создавая возможность правительствам сателлитов постепенно освободиться из-под российского контроля и найти, если они пожелают, приемлемые формы сотрудничества с правительствами Запада. Это можно реализовать искусным использованием нашей экономической мощи, прямой или косвенной информационной деятельностью, приложением максимально возможной нагрузки на железный занавес, созданием у Западной Европы перспектив и энергии стать в конце того пути, по которому она движется, максимально привлекательной для народов Востока, и многими другими средствами, слишком многочисленными, чтобы их все упоминать.

Мы не можем, конечно, сказать, что русские будут спокойно сидеть и позволят сателлитам таким образом освободиться из-под русского контроля. Мы не можем быть уверены, что на каком-то этапе русские для предотвращения такого исхода этого процесса не предпочтут прибегнуть к какому-то насилию: например к какой-то форме военной оккупации или возможно даже к серьезной войне.

Мы не хотим чтобы они пошли на это; и с нашей стороны мы должны делать все возможное, чтобы сохранить гибкость ситуации и способствовать освобождению стран-сателлитов такими способами, которые не нанесут непоправимого ущерба советскому престижу. Но даже при самых больших предосторожностях мы не можем быть уверены, что они не предпочтут прибегнуть к оружию. Мы не можем надеяться автоматически повлиять на их политику или обеспечить достижение каких-то гарантированных результатов.

То, что мы прибегаем к политике, которая может повлечь такой исход, вовсе не означает, что мы выбираем курс на войну; и мы должны быть крайне внимательны, чтобы сделать это очевидным и во всех случаях опровергать обвинения такого рода. Дело в том, что из-за антагонистических отношений, которые пока являются основой отношений между Советским правительством и некоммунистическими странами, возможность войны

постоянной присутствует, и никакой из курсов, выбранных нашим правительством, не привел бы к заметному уменьшению такой опасности. Политика, обратная вышеизложенной, а именно : согласие с советским господством в странах-сателлитах и непринятие никаких мер для противостояния ему, ни в коей мере не уменьшит опасность войны. Наоборот, вполне логично утверждать, что в долговременном плане опасность войны будет больше, если Европа останется разделенной по нынешней линии, чем в случае, если российская мощь в благоприятный момент будет отодвинута мирным путем, и в европейском сообществе восстановится нормальный баланс.

Соответственно можно констатировать, что наша первая цель в отношении России в мирное время состоит в том, чтобы содействовать и поощрять невоенными средствами постепенное сокращение несоразмерной российской мощи и влияния в нынешней зоне сателлитов и выхода восточноевропейских стран на международную сцену в качестве независимого фактора.

Однако, как мы видели выше, наше исследование проблемы остается неполным, пока мы не рассмотрим вопрос о территориях, находящихся в настоящее время внутри советских границ. Хотим мы или нет сделать нашей задачей достижение каких-то изменений границ Советского Союза без войны? Мы уже давали в III разделе ответ на этот вопрос.

Мы должны всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами поощрять развитие в Советском Союзе институтов федерализма, которые позволили бы возродить национальную жизнь прибалтийских народов.

Можно спросить : почему мы ограничиваем эту цель прибалтийскими народами? Почему мы не включаем другие национальные меньшинства Советского Союза? Ответ состоит в том, что прибалтийские народы - это единственные народы, чьи традиционные территории и население в настоящее время полностью включены в Советский Союз, и которые продемонстрировали способность успешно нести ответственность за свою государственность. Более того, мы все еще формально отвергаем законность их насильственного включения в Советский Союз, и поэтому они имеют в наших глазах особый статус.

Затем перед нами стоит проблема разоблачения мифа, посредством которого Москва поддерживает свое чрезмерное влияние и фактически дисциплинарную власть над людьми в странах вне зоны сателлитов. Сначала несколько слов о природе этой проблемы.

До революции 1918 года русский национализм был сугубо российским. За исключением нескольких эксцентричных европейских интеллектуалов 19 века, которые даже тогда заявляли о мистическом предназначении русской силы в разрешении болезней цивилизации (*2), русский национализм не был обращен за пределы России. Наоборот, относительно мягкий деспотизм российских правителей 19 века был возможно более известен и более осуждаем в западных странах, чем куда большие жестокости советского режима.

(*2) Карл Маркс не был одним из этих людей. Он не был, как он сам формулировал, "одним из тех, кто верит, что старая Европа может быть оживлена российской кровью" [примечание в исходном тексте]

После революции большевистским лидерам удалось путем умной и систематической пропаганды внедрить в широкие круги мировой общественности определенные концепции, весьма способствующие их целям, в том числе следующие : что Октябрьская

Революция была народной революцией; что советский режим был первым настоящим правительством рабочих; что Советская власть определенным образом связана с идеалами либерализма, свободы и экономической безопасности, и что она предлагает многообещающую альтернативу национальным режимам, при которых живут другие народы. Таким образом в умах многих людей установилась связь между русским коммунизмом и общими трудностями, возникающими в окружающем мире из-за влияния урбанизации и индустриализации, или же вследствие колониальных волнений.

Таким образом московская доктрина стала до некоторой степени внутренней проблемой каждого народа мира. В лице Советской власти западные государственные деятели сталкиваются с чем-то большим, нежели с очередной проблемой международных отношений. Они сталкиваются также с внутренним врагом в своих собственных странах - врагом, целью которого является подрыв и в конце концов разрушение их собственных национальных сообществ.

Уничтожение этого мифа о международном коммунизме представляет собой двойную задачу. Во взаимодействие вовлечены две стороны, поскольку оно осуществляется между Кремлем с одной стороны и неудовлетворенными интеллектуалами (именно интеллектуалы, а не "рабочие", составляют ядро коммунизма вне СССР) с другой. Для решения этой проблемы недостаточно заставить замолчать агитаторов. Гораздо важнее вооружить слушателей против атак такого рода. Есть некая причина, по которой к московской пропаганде так охотно прислушиваются, почему этот миф с такой готовностью воспринимается далеко от границ России. Если бы эти люди слушали не Москву, то нашлось бы что-то еще, столь же экстремистское и столь же ложное, хотя возможно менее опасное. То есть задача уничтожения мифа, на котором покоится международный коммунизм, не только подразумевает действия по отношению к лидерам Советского Союза. Она также требует чего-то по отношению к несоветскому миру, и более того, к тому конкретному обществу, частью которого являемся мы сами. Насколько мы сумеем устранить растерянность и непонимание, на почве которых процветают эти доктрины, насколько мы сможем устранить источники горечи, приводящие людей к иррациональным и утопическим идеям такого рода, настолько мы преуспеем в разрушении зарубежного влияния Москвы. С другой стороны мы должны признать, что лишь часть международного коммунизма вне России обусловлена влиянием окружающих обстоятельств и может быть соответственно откорректирована. Другая часть представляет нечто вроде результата естественных биологических мутаций. Она порождается наследственной склонностью к "пятой колонне", которой подвержен определенный малый процент членов любого сообщества, и отличается отрицательным отношением к собственному обществу, готовностью следовать за любой противостоящей ему внешней силой. Этот элемент всегда будет присутствовать в любом обществе и использоваться не слишком щепетильными аутсайдерами; единственная защита от опасного злоупотребления им - отсутствие стремления со стороны могущественных режимов использовать эту несчастную особенность человеческой природы.

К счастью Кремль к настоящему времени сделал для развенчания собственного мифа гораздо больше, чем смогли бы сделать мы сами. В этом смысле югославский инцидент возможно наиболее впечатляющий случай; но и вся история Коммунистического Интернационала полна примеров сложностей, с которыми сталкивались нероссийские лица и группы в своих попытках следовать московским доктринам. Кремлевские лидеры настолько пренебрежительны, настолько безжалостны, властны и циничны в тех требованиях соблюдения дисциплины, которые они предъявляют своим последователям, что лишь немногие способны выдерживать их власть достаточно долго.

Ленинско-Сталинская система основана главным образом на власти, которую отчаявшееся меньшинство заговорщиков всегда может обрести, по крайней мере временно, над пассивным и неорганизованным большинством человеческих существ. По этой причине кремлевские лидеры в прошлом были мало обеспокоены тенденцией своего движения оставлять за собой устойчивый шлейф бывших последователей, утративших иллюзии. Их цель была не в том, чтобы сделать коммунизм массовым движением, а в том, чтобы работать с малой группой безупречно дисциплинированных и полностью заменимых последователей. Они всегда были терпимы к уходу тех людей, которые оказывались не в состоянии вынести их особые требования к дисциплине.

В течение долгого времени этот метод довольно неплохо работал. Получить новых рекрутов было легко, и Партия жила за счет постоянного процесса естественного отбора, оставлявшего в ее рядах только самых фанатично преданных, наиболее лишенных воображения, самых тупых и беспринципных.

Случай с Югославией поставил большой вопросительный знак на том, насколько хорошо эта система станет работать в будущем. До сих пор ересь могла безопасно подавляться либо полицейскими репрессиями в пределах Советской власти, либо отработанными методами отлучения и убийства за ее пределами. Тито показал, что в случае лидера-сателлита ни один из этих методов не является безусловно эффективным. Отлучение коммунистических лидеров, находящихся вне эффективного радиуса действия Советской власти, обладающих собственной территорией, полицией, военной силой и дисциплинированными последователями, может расколоть все коммунистическое движение так, как ничто иное, и нанести наиболее тяжелый урон мифу о всемогуществе и всеведении Сталина.

Таким образом условия благоприятствуют тому, чтобы с нашей стороны сконцентрировать усилия на извлечении преимуществ из советских ошибок и возникших трещин, поощрять постоянное разложение структур морального влияния, при помощи которого кремлевские власти управляли людьми далеко за пределами достижимости советских полицейских сил.

Поэтому мы можем сказать, что наша вторая цель по отношению к России в мирное время заключается в том, чтобы информационной активностью и любыми другими имеющимися в нашем распоряжении средствами подорвать миф, при помощи которого люди вдали от российского военного влияния удерживаются в подчинении Москве, добиться того, чтобы весь мир увидел и понял, что представляет из себя Советский Союз, и сделал бы логичные и реалистические выводы из этого.

2. ИЗМЕНЕНИЕ РОССИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Теперь мы переходим к рассмотрению в рамках политики мирного времени второй основной задачи, а именно : внесение изменений в доминирующие в московских правящих кругах концепции международных отношений.

Как мы видели выше, нет никаких разумных оснований ожидать, что мы когда-либо сумеем изменить основы политической психологии людей, находящихся у власти в Советском Союзе сейчас. Их злобный взгляд на окружающий мир, их отказ от возможности постоянного мирного сотрудничества, их вера в неизбежность окончательного разрушения одного мира другим - все это должно сохраниться только по той простой причине, что советские лидеры убеждены : их собственная система не

выдержит сравнения с цивилизацией Запада и никогда не будет в безопасности, пока пример процветающей и могущественной западной цивилизации не будет физически уничтожен, а память о нем стерта. Не говоря уж о том, что эти люди связаны с теорией неизбежного конфликта между двумя мирами самой сильной из возможных связей, а именно тем фактом, что во имя этой теории они приговорили к смерти или страшным страданиям и лишениям миллионы людей.

С другой стороны советские лидеры способны к осознанию если не аргументов, то хотя бы ситуаций. То есть, если может быть создана ситуация, при которой эскалация конфликта с внешним миром не способствует усилению их власти, их действия и даже тон их пропаганды может измениться. Это стало очевидным во время последней войны, когда к описанному эффекту привели обстоятельства их военного союза с западными державами. В этом случае модификация политики была относительно кратковременной, так как по окончании боевых действий они увидели возможности для решения собственных важных задач вне зависимости от чувств и взглядов западных держав. Это означает, что ситуация, которая вынудила их изменить собственную политику, по их мнению перестала существовать.

Если же, однако, аналогичные ситуации были бы снова созданы, если бы советские лидеры были вынуждены признать их реальность, и если бы эти ситуации могли сохраняться достаточно долго для переориентации значительной части естественных процессов развития и изменения советской политической жизни, то тогда такие ситуации могли бы оказывать постоянное изменяющее влияние на взгляды и привычки советской власти. Даже относительно краткое и поверхностное ощущение возможности взаимодействия между основными союзниками во время последней войны оставило глубокий след в сознании русской общественности, и именно оно несомненно создало для режима серьезные сложности в его попытках вернуться после окончания войны к старой политике враждебности и ниспровержения по отношению к западному миру. Причем все это происходило при отсутствии каких-то существенных перестановок среди советских лидеров какой-то нормальной эволюции во внутренней политической жизни Советского Союза. Если бы Советское правительство было вынуждено соблюдать такую осторожную и умеренную политику по отношению к Западу в течение столь долгого периода, что нынешних лидеров сменили бы другие, и перед лицом этой необходимости произошла бы какая-то нормальная эволюция советской политической жизни, то тогда возможно стало бы достижимым и какое-то реальное изменение кругозора и поведения Советов.

Из этого рассмотрения вытекает, что хотя мы не можем изменить основу политической психологии нынешних советских лидеров, существует возможность, что мы сумеем создать ситуации, которые, сохраняясь достаточно долго, смогут заставить их мягко изменить свое опасное и неподобающее отношение к Западу и соблюдать определенную степень умеренности и осторожности в отношениях с западными странами. В этом случае действительно можно будет сказать, что мы начали продвигаться к постепенному изменению тех опасных концепций, которые сейчас определяют поведение Советов.

Снова, как и при сокращении зоны советского влияния, так и при реализации любой разумной программы сопротивления советским попыткам разрушить западную цивилизацию, мы не должны забывать, что советские лидеры могут узреть пророческие письма на стене и предпочесть прибегнуть к насилию, нежели позволить всему этому произойти. Необходимо повторить : этому риску мы подвергаемся не только при данной, но и при любой разумной политике по отношению к Советскому Союзу. Этот риск возникает из самой сущности Советского правительства, и мы не можем сделать ничего,

чтобы изменить или устранить его. Это не новая проблема для внешних отношений Соединенных Штатов. В "Записках фдералиста" Александр Гамильтон писал:

"Давайте вспомним, что выбор между миром или войной не всегда будет оставаться за нами; что как бы умерены и неамбициозны мы ни были, мы не можем полагаться на чужую умеренность или надеяться притушить чужие амбиции."

Таким образом пытаясь изменить концепции, которыми в настоящее время руководствуется Советский Союз в международных отношениях, мы опять должны признать : ответ на вопрос, может ли эта цель быть достигнута мирными средствами, зависит не только от нас. Но это не служит нам оправданием, если мы не предпримем такой попытки.

Итак, мы должны сказать, что нашей третьей целью в отношении России во время мира является создание ситуаций, которые вынудят Советское правительство признать практическую нецелесообразность действий на основе их нынешних концепций и необходимость по крайней мере такого внешнего поведения, как если бы эти концепции были заменены на противоположные.

Это, конечно, в основном вопрос удержания Советского Союза слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с международными силами, находящимися вне его контроля, и поддержания со стороны некоммунистических государств высокого уровня требовательности к России в части соблюдения ею обычных международных приличий.

3. СПЕЦИФИЧНЫЕ ЦЕЛИ

Все перечисленные выше цели являются по своей природе общими. Попытка конкретизировать их завела бы нас в бесконечный лабиринт формальных классификаций и вела бы скорее к путанице, нежели к ясности. Поэтому здесь не будет сделано никаких попыток сформулировать возможные пути конкретной реализации этих целей. Множество таких путей само легко возникнет перед каждым, кто задумается над интерпретацией общих целей применительно к практической политике и конкретным действиям. Например, мы увидим, что основным фактором в достижении всех целей без исключения явилась бы степень проникновения за железный занавес или же степень его разрушения.

Однако вопрос о конкретной интерпретации может быть существенно прояснен кратким рассмотрением обратной стороны картины : иными словами рассмотрением того, в чем наши цели НЕ состоят.

Во-первых, нашей основной целью в мирное время не является переход в такую стадию, при которой война становится неизбежной. Мы не исключаем возможности, что наши общие задачи в отношении России могут быть успешно решены без войны. Мы вынуждены признавать возможность войны в любой момент, как логично вытекающую из нынешнего характера советских лидеров, и мы должны реалистично готовиться к этому.

Но было бы неправильным считать, что наша политика основана на предположении о неизбежности войны и ограничена подготовкой к вооруженному конфликту. Это не так. В настоящее время, в отсутствие войны, автоматически навязанной чужими действиями, наше дело заключается в том, чтобы отыскать средства для решения наших задач, самим к войне не прибегая. Подготовка к возможной войне подразумевается, но мы рассматриваем

ее только как дополнительную предосторожность, а не основной элемент политики. Мы все еще надеемся и пытаемся решить наши задачи в рамках мира. Если бы в некоторый момент мы пришли к выводу (это не исключается), что такой подход невозможен, и что отношения между коммунистическими и некоммунистическими мирами не могут продолжаться без решительного военного конфликта, тогда следовало бы пересмотреть саму основу данного документа, и наши цели мирного времени, в том виде, как они здесь представлены, следовало бы коренным образом изменить.

Во-вторых, в мирное время нашей целью не является свержение Советского правительства. Мы признаем, что стремимся к созданию таких обстоятельств и ситуаций, которые было бы затруднительно переварить нынешним советским лидерам, и которые им не понравятся. Возможно, что перед лицом таких обстоятельств и ситуаций они не сумеют сохранить свою власть в России. Но следует подчеркнуть : это их дело, а не наше. Настоящий документ не подразумевает никаких суждений по поводу того, способно ли Советское правительство вести себя относительно умеренно и порядочно во внешних делах и при этом сохранять свою власть внутри России. Если ситуации, отвечающие нашей целевой направленности в мирное время, действительно возникнут, если они окажутся несовместимыми с внутренним удержанием Советской власти и вынудят Советское правительство уйти со сцены, мы будем рассматривать такое развитие без сожаления, но не примем на себя ответственность за то, что добивались или вызвали его.

V. Решение наших основных задач во время войны.

В этом разделе рассмотрены наши цели в отношении России в случае, если между Соединенными Штатами и СССР возникнет состояние войны. Здесь предполагается выяснить, что именно мы могли бы считать благоприятным исходом наших военных операций.

1. О НЕВОЗМОЖНОМ

Перед обсуждением того, что могло бы явиться достижимой целью в войне с Россией, сначала выясним, чего мы не можем надеяться достичь.

Прежде всего мы должны исходить из того, что для нас будет невыгодно, да и практически неосуществимо оккупировать и поставить под контроль нашей военной администрации всю территорию Советского Союза. Это следует из размеров территории, количества населения, разницы в языке и обычаях, отличающих местное население от нас, а также минимальной вероятности обнаружить какую-то подходящую местную структуру власти, при помощи которой мы могли бы действовать.

Затем, признав это обстоятельство, мы должны признать маловероятным, что советские лидеры пойдут на безоговорочную капитуляцию. Возможно, Советская власть распадется под тяжестью безуспешной войны, как это произошло с царским режимом во время Первой Мировой. Но даже это маловероятно. А если она не распадется сама, мы не можем быть уверены, что сумеем устранить ее какими-то средствами без чрезвычайных военных усилий, направленных на установление контроля над всей Россией. Мы имеем перед собой опыт нацистов, как пример упорства и стойкости, с которыми безжалостные диктаторские режимы могут удерживать внутреннюю власть даже на территории, постоянно сокращающейся в результате военных действий. Советские лидеры были бы способны на заключение компромиссного мира, даже очень неблагоприятного для их собственных интересов. Но маловероятно, что они согласятся на что-либо подобное безоговорочной капитуляции, которая отдала бы их в полное распоряжение враждебной

власти. Вместо этого они скорее всего отступят в самую отдаленную сибирскую деревню и окончательно погибнут, подобно Гитлеру, под вражеским огнем.

Есть очень высокая вероятность того, что если мы максимально, в рамках наших военных возможностей, позаботимся о том, чтобы не возбуждать враждебного отношения между советскими людьми и военной полицией, чинящей непривычные им лишения и жестокости, то в ходе войны мог бы начаться расширяющийся распад Советской власти, который с нашей точки зрения был бы благоприятным процессом. С нашей стороны, разумеется, было бы совершенно справедливо способствовать такому распаду всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Это однако не означает, что мы могли бы гарантировать полное падение советского режима в смысле ликвидации его власти на всей нынешней территории Советского Союза.

Независимо от того, сохранится или нет советская власть где-либо на нынешней советской территории, мы не можем быть уверены, что среди российского народа найдется какая-то другая группа политических лидеров, которые окажутся полностью "демократичными" в нашем понимании этого слова.

Хотя в России и были моменты либерализма, понятия демократии не знакомы огромным массам российских людей, а в особенности тем из них, кто по своему темпераменту склонен к управленческой деятельности. В настоящее время существует ряд интересных и влиятельных российских политических группировок среди российских изгнанников, которые в той или иной степени приобщились к принципам либерализма, и любая из них была бы возможно, с нашей точки зрения лучшим руководителем России, нежели Советское правительство. Но никто не знает, насколько либеральными окажутся эти группы, придя однажды к власти, или смогут ли они сохранить свою власть среди российского народа, не прибегая к методам полицейского насилия и террора. Действия людей, находящихся у власти часто гораздо сильнее зависят от обстоятельств, в которых им приходится осуществлять свою власть, нежели от идей и принципов, воодушевлявших их в оппозиции. После передачи правительственной власти любой российской группе мы никогда не сможем быть уверены, что эта власть будет осуществляться способом, который одобрил бы наш собственный народ. Таким образом, делая такой выбор, мы всегда будем полагаться на случай и брать на себя ответственность, которую нельзя с честью нести.

В конце концов мы не можем надеяться действительно привить наши понятия о демократии за короткий промежуток времени какой-то группе российских лидеров. В дальней перспективе политическая психология любого режима, приемлемо ответственного перед волей народа, должна быть психологией самого народа. Но наш опыт в Германии и Японии наглядно показал, что психология и мировоззрение великого народа не могут быть изменены за короткий промежуток времени простым диктатом или предписаниями иностранной власти, даже следующими за тотальным поражением и подчинением. Такое изменение может стать только следствием органичного политического опыта самого этого народа. Лучшее, что одна страна может сделать для принесения изменений такого рода в другую страну - это изменить внешние условия, в которых существует рассматриваемый народ, и предоставить ему реагировать на эти условия по-своему.

Все вышеизложенное указывает на то, что мы не можем надеяться в результате успешных военных операций в России создать там власть, полностью подчиненную нашей воле или полностью выражающую наши политические идеалы. Мы должны признать, что с высокой вероятностью нам придется в той или иной степени продолжать иметь дело с российскими властями, которых мы не будем полностью одобрять, которые будут иметь

цели, отличные от наших, и чьи взгляды и намерения мы будем обязаны принимать во внимание, нравятся они нам или нет. Иными словами мы не можем надеяться достичь какого-то тотального навязывания нашей воли на Российской территории, подобно тому, как мы пытались проделать это в Германии и Японии. Мы должны признать, что какого бы решения мы в конечном итоге не добились, это должно быть политическое решение, достигнутое в результате политических переговоров.

Вот и все, что следует сказать о невозможном. Теперь о том, какие цели возможны и желательны в случае войны с Россией? Они, как и цели мира, должны логично вытекать из основных задач, сформулированных в разделе III.

2. СОКРАЩЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОЩИ

Первая из наших военных целей естественно должна заключаться в ликвидации российского военного влияния и господства в районах, прилегающих к любому российскому государству, но находящихся за его пределами.

Очевидно, что успешное ведение войны с нашей стороны автоматически приведет к достижению этого эффекта для большей части, или даже для всей зоны сателлитов. Успешные военные удары по советским силам вероятно настолько подорвут власть коммунистических режимов восточноевропейских стран, что большинство из них окажется свергнуты. Могут сохраниться гнезда в форме политического титоизма, то есть остаточные коммунистические режимы чисто национального локального типа. Таким мы вероятно могли бы позволить продолжить существование. Без поддержки и мощи России они со временем наверняка либо исчезнут, либо эволюционируют в нормальные национальные режимы с не большими и не меньшими проявлениями шовинизма и экстремизма, чем вообще характерно для сильных национальных правительств этого региона. Нам конечно следует настаивать на прекращении любых формальных следов чрезмерного влияния России в этой зоне, таких как союзнические договоры и т.п.

Кроме того, мы опять сталкиваемся с вопросом, до какой степени мы могли бы стремиться к изменению советских границ в результате успешных военных действий с нашей стороны. Мы должны ясно осознать тот факт, что в настоящее время мы не можем ответить на этот вопрос. Ответ почти полностью зависит от типа режима, который в итоге военных действий останется на этой территории. Если этот режим будет иметь по крайней мере достаточно благоприятные перспективы соблюдения либерализма во внутренних делах и умеренности во внешней политике, то можно было бы оставить под его властью большинство, если не все, территории, приобретенные Советским Союзом в последней войне. Если же, что более вероятно, будет трудно полагаться на либерализм и умеренность послевоенных российских властей, то может потребоваться более значительное изменение этих границ. Следует просто отметить, что этот вопрос остается открытым до тех пор, пока развитие военных и политических событий в России полностью не прояснит характер послевоенных рамок, в которых мы будем вынуждены действовать.

Далее перед нами стоит вопрос о советском мифе и об идеологическом влиянии, которое Советское правительство сейчас старается распространить на людей за пределами зоны сателлитов. В первую очередь все конечно будет зависеть от того, сохранит или нет нынешняя Всесоюзная Коммунистическая Партия свою власть на какой-либо части нынешней советской территории по окончании следующей войны. Мы уже видели, что не способны контролировать это обстоятельство. Если коммунистическая власть исчезнет, вопрос разрешится сам собой. Однако следует иметь в виду, что в любом случае

неудачный с советской точки зрения ход самой войны возможно явится решающим ударом по этой форме распространения советской власти и влияния.

Но как бы то ни было, мы не должны ничего оставлять случаю, и естественно считать, что одной из наших основных военных целей по отношению к России является полный демонтаж той структуры отношений, при помощи которой лидеры Всесоюзной Коммунистической Партии способны осуществлять моральное и дисциплинарное воздействие на отдельных граждан или группы граждан стран, не находящихся под коммунистическим управлением.

3. ИЗМЕНЕНИЕ РОССИЙСКИХ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нашей следующей проблемой снова оказывается проблема политики, которой русские будут руководствоваться после войны. Каким образом мы можем гарантировать, что российская политика будет наиболее возможно соответствовать нашим желаниям? Это коренной вопрос наших военных целей в отношении России, и никакое внимание, уделенное ему, не может оказаться чрезмерным.

Прежде всего это проблема будущего Советской власти, то есть власти Коммунистической Партии Советского Союза. Это крайне сложный вопрос. На него нет простого ответа. Мы видели, что хотя мы хотим и даже стремимся к полному распаду и исчезновению Советской власти, мы не можем быть уверены в полном достижении такого результата. Таким образом мы можем рассматривать это как максимальную, а не как минимальную цель.

Тогда, допуская, что по завершении военных действий, мы сочтем целесообразным мириться с существованием Советской власти на части советской территории, каково должно быть наше отношение к ней? Согласимся ли мы вообще иметь с ней дело? А если так, то на каких условиях?

Прежде всего мы можем заведомо принять, что не будем готовы заключить полномасштабное мирное соглашение и возобновить регулярные дипломатические отношения ни с каким режимом в России, в котором будет доминировать кто либо из нынешних советских лидеров либо лиц, разделяющих их образ мыслей. За прошедшие пятнадцать лет мы приобрели достаточно плачевного опыта, пытаюсь вести себя так, словно с подобным режимом возможны нормальные отношения, и если теперь мы будем вынуждены прибегнуть к войне для защиты себя от последствий его действий и политики, наша общественность едва ли будет в состоянии простить советским лидерам такое развитие событий или одобрит попытки нормального сотрудничества с ними.

Но с другой стороны, если бы коммунистический режим сохранился на какой-то части советской территории после завершения военных действий, мы не могли бы позволить себе полностью его игнорировать. Он не смог бы перестать быть - в пределах своих внутренних возможностей - потенциальной угрозой миру и стабильности самой России и всего мира. Самое меньшее, что мы могли бы сделать, это убедиться, что его возможности нанесения ущерба столь ограничены, что не могут причинить серьезного вреда, и что мы сами или дружественные нам силы сумеем восстановить необходимый контроль.

Для этого вероятно потребуются применение двух мер. Первая - действенное физическое ограничение способности такого остаточного советского режима начать войну или угрожать и запугивать другие народы или российские режимы. Если военные действия приведут к резкому сокращению территории, над которой коммунисты удерживают

власть, то такое сокращение должно в первую очередь отсечь их от ключевых военно-промышленных структур Советского Союза, при этом данное физическое ограничение осуществится автоматически.

Если территория под их контролем не будет существенно сокращена, тот же результат может быть получен обширными разрушениями важных промышленных и экономических объектов с воздуха. Возможно потребуются оба эти средства. Как бы то ни было, мы можем определенно заключить, что нельзя считать наши военные действия успешными, если они оставят под контролем коммунистического режима часть нынешнего военно-промышленного потенциала Советского Союза, достаточную для того, чтобы позволить развязать войну с шансами на успех с любым из соседних государств или с любой конкурирующей властью, которая может быть установлена на традиционной российской территории.

Вторая мера, которая потребует, в случае сохранения Советской власти на традиционной российской территории, вероятно будет состоять в неких условиях, оговаривающих по крайней мере ее военные отношения с нами и окружающими властями. Иными словами, от нас может потребоваться заключение какого-то договора с таким режимом. Сейчас это может представляться нам нежелательным, но вполне может оказаться, что наши интересы лучше будут защищены таким договором, нежели глобальными усилиями, которые потребуются для полной ликвидации Советской власти.

Можно смело утверждать, что эти условия для рассматриваемого коммунистического режима должны быть тяжелыми и унижительными. Это может быть нечто подобное Брест-Литовскому договору 1918 года (*3), который в связи с этим заслуживает внимательного изучения. Тот факт, что немцы пошли на такой договор, не означал, что они действительно соглашались с сохранением советского режима. Они рассматривали договор, как способ немедленно сделать советский режим безопасным для них и поставить его в неблагоприятное положение перед лицом проблемы выживания. Русские понимали, что цель немцев была именно в этом. Они согласились на договор только с огромным нежеланием и намерением нарушить его при первой же возможности. Но немецкое превосходство в силах было реальным, а немецкие расчеты реалистичными. Если бы Германия не потерпела поражения на западе вскоре после заключения Брест-Литовского соглашения, трудно предполагать, что Советское правительство оказалось бы способным серьезно противодействовать германским намерениям по отношению к России. Возможно именно в этом направлении необходимо действовать и нашему правительству по отношению к советскому режиму на последних стадиях вооруженного конфликта.

(*3) Брест-Литовский договор, подписанный 3 марта 1918 года, завершил военные действия между Советской Россией и центральноевропейскими державами на основе соглашений, которые включали независимость Украины, Грузии, Финляндии, передачу центральноевропейским державам Польши, прибалтийских государств и части Белоруссии, уступку Турции Карса, Эрдогана и Батума. Соглашения о перемирии между Германией в частности и западными державами 11 ноября 1918 года обязывало Германию отказаться от этого договора. (примечание редактора сборника).

Невозможно предсказать, какого рода должны быть эти условия. Чем меньше территория, остающаяся в распоряжении такого режима, тем проще навязать ему условия, удовлетворяющие нашим интересам. В худшем случае, при сохранении советской власти на всей или почти всей нынешней советской территории, нам следует потребовать

(а) Прямых военных уступок (сдача вооружений, эвакуация ключевых районов и т.п.), обеспечивающих гарантии военной беспомощности на продолжительное время;

(б) Соблюдения условий, обеспечивающих значительную экономическую зависимость от внешнего мира;

(в) Соблюдения условий, гарантирующих необходимую свободу либо федеративный статус национальным меньшинствам (нам следует как минимум настаивать на полном освобождении прибалтийских государств и на предоставлении федеративного статуса Украине, который обеспечил бы местным украинским властям большую степень автономии);

и

(г) Соблюдения условий, гарантирующих устранение железного занавеса, обеспечивающих свободный поток идей извне и установление широких личных контактов между людьми в зоне Советской власти и вне ее.

Таковы наши цели по отношению к любым остаткам Советской власти. Остается вопрос, каковы наши цели по отношению к любой некоммунистической власти, которая может быть установлена на части или на всей российской территории вследствие войны.

Прежде всего следует сказать, что независимо от идеологического базиса любой такой некоммунистической власти и независимо от степени, в которой она может быть готова приобщиться к идеалам демократии и либерализма, мы должны проследить, чтобы тем или иным способом было бы гарантировано достижение основных целей, вытекающих из вышеизложенных требований. Другими словами мы должны обеспечить автоматические гарантии того, что даже некоммунистический и номинально дружественный нам режим :

(а) Не будет обладать большой военной мощью;

(б) Будет экономически сильно зависим от окружающего мира;

(в) Не будет обладать слишком большой властью над национальными меньшинствами;

и

(г) Не установит ничего, напоминающего железный занавес в отношении контактов с окружающим миром.

В случае режима, относящегося враждебно к коммунистам и дружественно к нам, мы несомненно должны позаботиться о том, чтобы способ, которым будут обеспечены эти условия, не был бы обидным или унижительным. Но мы должны проследить за тем, чтобы тем или иным способом обеспечить эти условия для защиты наших интересов и интересов мира во всем мире.

Таким образом мы можем смело утверждать, что в случае войны с Советским Союзом наша цель - проследить за тем, чтобы после окончания войны никакому режиму на российской территории не было позволено

(а) Сохранять военные силы в количестве, способном представлять угрозу любому соседнему государству;

(б) Пользоваться такой степенью экономической автаркии, которая позволила бы осуществить восстановление экономического базиса военной мощи без содействия западного мира;

(в) Отказываться в автономии и самоуправлении основным национальным меньшинствам;

или

(г) Сохранить какое-либо подобие нынешнего железного занавеса.

Если эти условия гарантированы, нас устроит любая политическая ситуация, возникшая после войны. Мы будем в безопасности независимо от того, сохранится ли Советское правительство на всей российской территории, или только на небольшой части этой территории, или же исчезнет вообще. И мы будем в безопасности, даже если первоначальный демократический энтузиазм нового режима окажется кратковременным и сменится тенденцией постепенной замены асоциальными концепциями международных отношений, на которых воспитано нынешнее советское поколение.

Все вышеизложенное является описанием наших военных целей в том случае, если политические процессы в России пойдут своим путем в условиях войны, и мы не будем обязаны принимать на себя существенной ответственности за политическое будущее страны. Но следует также рассмотреть ситуацию, которая сложится, если советская власть распадется настолько быстро и настолько радикально, что страна окажется в состоянии хаоса, и это обяжет нас, как победителей, делать политический выбор и принимать решения, которые должны будут сформировать политическое будущее страны. В этом случае необходимо рассмотреть три основных вопроса.

4. РАЗДЕЛЕНИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО

Прежде всего желательно ли в этом случае, чтобы нынешние территории Советского Союза оставались объединены одним режимом или же желательно их разделение? И если желательно оставить их едиными, по крайней мере в значительной степени, то какую степень федерализма должно соблюдать российское правительство? Как быть с основными национальными меньшинствами, в частности с Украиной?

Мы уже отметили проблему прибалтийских государств. После следующей войны прибалтийские государства не должны оставаться под какой-либо коммунистической властью. Если же территория, прилегающая к прибалтийским государствам, будет контролироваться российской властью, не являющейся коммунистической, мы должны будем руководствоваться волей прибалтийских народов и степенью умеренности, которую российская власть будет склонна проявлять по отношению к ним.

В случае с Украиной проблема совсем иная. Украинцы - наиболее развитый из народов, находящихся под управлением России в настоящее время. В целом они обижены российским господством; их националистические организации за рубежом активны, к ним прислушиваются. Было бы легко прийти к выводу, что они должны получить наконец свободу от российского управления и реализоваться в качестве независимого государства.

Мы должны быть очень осторожны с таким выводом. Сама простота делает его непригодным в условиях восточноевропейской реальности.

Действительно, украинцы были несчастны под управлением России, и необходимо что-то предпринять для защиты их положения в будущем. Но есть ряд существенных нюансов, которые нельзя упускать из виду. Пока украинцы были важным и существенным элементом Российской империи, они не проявили никаких признаков "нации", способной успешно и ответственно нести бремя независимости перед лицом сильнейшего российского противодействия. Украина не является четко определенным этническим или географическим понятием. В целом население Украины изначально образовалось в основном из беженцев от русского и польского деспотизма и трудноразлично в тени русской или польской национальности. Нет четкой разделительной линии между Россией и Украиной, и установить ее затруднительно. Города на украинской территории были в основном русскими и еврейскими. Реальной основой "украинизма" являются "отличия" специфического крестьянского диалекта и небольшая разница в обычаях и фольклоре между районами страны. Наблюдаемая политическая агитация - это в основном дело нескольких романтично настроенных интеллектуалов, которые имеют мало представления об ответственности государственного управления.

Экономика Украины неразрывно сплетена с экономикой России в единое целое. Никогда не было никакого экономического разделения с тех пор, как территория была отвоевана у кочевых татар и стала осваиваться оседлым населением. Попытка оторвать ее от Российской экономики и сформировать нечто самостоятельное была бы столь же искусственной и разрушительной, как попытка отделить Зерновой Пояс, включая Великие Озера, от экономики Соединенных Штатов.

Более того, народ, говорящий на украинском диалекте, как и народ, говорящий на белорусском диалекте, расколот по признаку, который в восточной Европе всегда являлся подлинным признаком национальности : а именно религией. Если по Украине и может быть проведена какая-то реальная граница, то логичной была бы граница между районами, традиционно тяготеющими к Восточной Церкви и районами, тяготеющими к Римской Церкви.

Наконец, мы не можем оставаться безучастными к чувствам самих великороссов. Они были самым сильным национальным элементом Российской Империи, сейчас они являются таковым в Советском Союзе. Они останутся самым сильным национальным элементом на этом пространстве при любом своем статусе. Долгосрочная политика США должна основываться на их признании и их сотрудничестве. Украинская территория настолько же является частью их национального наследия, насколько Средний Запад является частью нашего, и они осознают этот факт. Решение, которое попытается полностью отделить Украину от остальной части России, связано с навлечением на себя неодобрения и сопротивления с ее стороны и, как показывает анализ, может поддерживаться только силой. Существует реальная вероятность того, что великороссов можно убедить смириться с возвращением независимости прибалтийским государствам. Они мирились со свободой этих территорий от России в течение длительного периода в прошлом, и они признают, если не разумом, то подсознательно, что эти народы способны к независимости. По отношению к украинцам дело обстоит иначе. Они слишком близки к русским, чтобы суметь успешно самостоятельно организовать во что-либо совершенно отличное. Лучше или хуже, но они будут строить свою судьбу в виде какой-то особой связи с великоросским народом.

Кажется очевидным, что лучшей из подобных связей будет федерация, при которой Украина будет пользоваться значительной степенью политической и культурной автономии, но не будет независимой в экономическом или военном отношении. Такие отношения полностью удовлетворят требованиям самих великороссов и по-видимому

соответствуют тем рамкам, которыми должны ограничиваться задачи США по отношению к Украине.

Следует заметить, что этот вопрос имеет значение не только для отдаленного будущего. Украинские и великорусские элементы среди эмигрантских оппозиционных групп уже энергично соперничают за поддержку США. То, как мы будем воспринимать их конкурирующие претензии, может оказать важное влияние на развитие и успех движения за политическую свободу среди русских. Поэтому существенно, чтобы мы приняли решение сейчас и твердо его придерживались. И это решение должно быть не пророссийским и не проукраинским, а признающим географические и экономические реальности и требующим для украинцев подобающего и приемлемого места в семье традиционной Русской Империи, неотъемлемую часть которой они составляют.

Следует добавить, что хотя, как утверждается выше, мы не склонны поощрять украинский сепаратизм, тем не менее если без нашего участия на территории Украины возникнет независимый режим, мы не должны прямо противодействовать этому. Поступить так означало бы принять на себя нежелательную ответственность за внутрисоюзное развитие. Такой режим будет постоянно подвергаться проверкам на прочность со стороны России. Если он сумеет успешно сохраниться, это означает, что вышеприведенный анализ не верен, и что Украина имеет способность и моральное право на независимый статус. Наша политика прежде всего должна быть направлена на сохранение внешнего нейтралитета постольку, поскольку наши интересы - военные или иные - не будут затронуты непосредственно. И только если станет ясно, что ситуация заходит в нежелательный тупик, мы будем содействовать отходу от движения к разумному федерализму. То же самое применимо к любым усилиям по достижению независимого статуса другими российскими меньшинствами. Маловероятно, что какое-либо из этих меньшинств сможет успешно поддерживать реальную независимость длительное время. Однако, если они попытаются (а вполне возможно, что кавказские меньшинства сделают такую попытку) - наше отношение должно быть таким как в украинском вопросе. Мы должны внимательно следить за тем, чтобы не становиться в позицию открытого противодействия таким попыткам, что вызвало бы окончательную утрату симпатий этих меньшинств. С другой стороны мы не должны связывать себя поддержкой такой их линии поведения, которая в дальнейшем вероятно может быть сохранена только при нашей военной помощи.

5. ВЫБОР НОВОЙ ПРАВЯЩЕЙ ГРУППЫ

В случае распада Советской власти мы несомненно столкнемся с необходимостью поддержки некоторых политических элементов из числа нынешних многочисленных конкурирующих российских оппозиционных группировок. Нам будет практически невозможно избежать действий, более выгодных для той или иной из этих группировок по сравнению с их соперниками. Но очень многое будет зависеть от нас и от тех концепций, которые мы стараемся реализовать.

Мы уже видели, что среди существующих и потенциальных оппозиционных групп нет таких, которых мы желали бы полностью поддерживать, и за чьи действия в случае их прихода к власти в России хотели бы нести ответственность.

С другой стороны мы должны ожидать, что разные группы предпримут энергичные усилия, чтобы заставить нас вмешаться во внутренние дела России, что угрожает связать нас серьезными обязательствами и сделает возможным политическим группам в России продолжать требовать нашей поддержки. В свете этих фактов очевидно, что мы должны

предпринять определенные усилия, чтобы избежать принятия на себя ответственности за решение, кто будет управлять Россией после распада советского режима. Оптимальным было бы позволить всем изгнанным элементам вернуться в Россию настолько быстро, насколько возможно, и проследить, насколько это от нас зависит, за тем, чтобы чтобы всем им были бы даны примерно равные возможности заявить о своих претензиях на власть. Наша основная позиция должна состоять в том, что в конечном итоге русский народ должен будет сделать свой собственный выбор, и мы не намерены оказывать влияние на этот выбор. Поэтому мы должны избегать приобретать протекже и обязаны следить за тем, чтобы все конкурирующие группы получили возможность изложения своих взглядов российскому народу через средства массовой информации. Между этими группировками возможны случаи насилия. Даже при этом мы не должны вмешиваться, если не будут затронуты наши военные интересы или если со стороны одной из групп не будет предпринята попытка утвердить свою власть крупномасштабными варварскими репрессиями тоталитарного типа, применяемыми не только к противостоящим политическим лидерам, но и к массам населения.

6. ПРОБЛЕМА "ДЕКОММУНИЗАЦИИ"

На любой территории, освобожденной от Советского управления, мы столкнемся с человеческими остатками Советского аппарата власти.

Вероятно, что в случае упорядоченного отвода войск с нынешней советской территории, местный аппарат коммунистической партии уйдет в подполье, как он проделал это в районах, захваченных немцами во время последней войны. Затем он снова всплывет в виде партизанских групп и отрядов. На этой стадии проблема обращения с ним будет относительно простой; нам нужно лишь предоставить необходимое вооружение и военную поддержку любой некоммунистической власти, способной контролировать район, и разрешить этой власти обращаться с коммунистическими бандами в соответствии с традиционными методами российской гражданской войны.

Более сложную проблему будут представлять собой рядовые члены компартии или госаппарата, которые будут разоблачены и арестованы, либо сдадутся на милость наших сил или любой российской власти, существующей на территории.

Здесь мы снова должны избегать брать на себя ответственность за распоряжение судьбой этих людей или за отдачу прямых приказов местным властям по этому поводу. Мы должны иметь право настаивать на их разоружении и их недопущении на руководящие позиции в правительстве, пока они не предоставят ясных свидетельств искреннего пересмотра своих взглядов. Однако в основном это должно оставаться проблемой любой российской власти, заменившей коммунистический режим. Мы можем быть уверены, что такая власть будет более, чем мы, способна судить об опасности, которую эти экс-коммунисты представляют для нового режима, и обойтись с ними таким образом, чтобы предотвратить возможный вред от них в будущем. Наша основная забота - следить за тем, чтобы никакой коммунистический режим, подобный нынешнему, не был восстановлен на территориях, которые мы уже освободили и которые, как мы решили, должны оставаться свободными от коммунистического контроля. Сверх этого мы должны быть очень осторожными, чтобы не оказаться втянутыми в проблему "декоммунизации".

Основная причина этого в том, что политические процессы в России странные и загадочные. В них нет ничего простого, и ничего не гарантировано. Очень редко, если вообще когда-нибудь, белое четко отличается от черного. Нынешний коммунистический аппарат власти вероятно включает большую долю тех лиц, которые по своей подготовке и

склонностям подходят к участию в процессах управления. Любой новый режим вероятно будет вынужден использовать службу многих из этих людей для того, чтобы вообще иметь возможность управлять. Более того, мы не способны вникнуть в каждом индивидуальном случае в мотивы, которые привели человека в России к участию в коммунистическом движении. Мы также не в состоянии понять, до какой степени такое участие явится в ретроспективе дискредитирующим или преступным в глазах других россиян. Для нас было бы опасно действовать на основе любых фиксированных предположений по этим поводам. Мы должны всегда помнить, что преследования со стороны иностранного правительства неизбежно делает мучеников из таких людей, которые при других обстоятельствах сделались бы только объектом насмешек.

Поэтому мы должны быть мудрее и на территориях, освобожденных от коммунистического контроля, ограничиться наблюдением за тем, чтобы экс-коммунисты не получили возможности реорганизоваться в вооруженные группы, претендующие на политическую власть, и чтобы местные некоммунистические власти получили достаточно вооружения и поддержки в связи с любыми мерами, которые они пожелают предпринять в этом отношении.

Таким образом мы можем сказать, что не ставим целью осуществления нашими собственными силами на территории, освобожденной от коммунистической власти, какой-то крупномасштабной программы декоммунизации, и что в целом нам следует оставить эту проблему любой местной власти, которая сможет заменить советское руководство.